

Я разглядываю великолепные гобелены, украшающие залу, в которой помещается кабинет французского министра иностранных дел. Гобелены эти изображают пышные сцены царствования Марии Медичи, времен Ришелье и Мазарини. Около чайного столика, «у водопоя», как выражается Клемансо, в углу, на шкафчике стоит большая чернильница из позолоченной бронзы. В то время как я ее рассматриваю, Пишон подходит ко мне и говорит: «Чернильница эта служила при подписании Парижского трактата 1856 г.²⁷ Сюда погружалось перо графа Кавура». Мария Медичи, Ришелье, Мазарини и граф Кавур! Какими ничтожными кажутся присутствующие сегодня в этом зале! Впечатление это особенно усиливается, когда Клемансо, желая состричь, иронически говорит Пишону, указывая на бесстрастных и загадочных японских делегатов: «Подумать только, что на свете существуют блондинки, а мы сидим здесь взаперти с этими японцами, которые так неприглядны!»

Вторник, 13 мая.

В 9 час. 30 мин. Орlando отправляется к полковнику Хаузу. Ничего нового. Несколько слов о комиссии Четырех, о которой вчера говорил Ллойд Джордж*.

10 час. 30 мин.—Орlando и Соннино едут к Ллойд Джорджу. Планы раздела Турецкой империи. Если Соединенные штаты не возмут Армению, можно будет отдать ее Франции. Италия должна получить Анатолию без Смирны, которая остается за турецким правительством. Ллойд Джордж советует подготовить проект мандата в этом смысле.

Возвращаемся в гостиницу. Атмосфера так насыщена электричеством, что после возбужденного разговора между Соннино и мной по поводу Смирны и Малой Азии я представляю письменное заявление об отставке от должности начальника кабинета.

Немедленно Соннино послал мне письмо с целью «откровенного и лойяльного объяснения», прося меня не настаивать

* *C. Seymour, The Intimate Papers of Colonel House, London 1928, v. IV, p. 479; 13 мая 1919 г.: «Визит Орlando был наиболее важным. Он прибыл в 9 час. 30 мин. и оставался до 10 час. Мы всесторонне обсудили адриатический вопрос. Я советовал, чтобы оспариваемая территория была передана Лиге наций на некоторый период времени, до тех пор, пока не возобладает более спокойное суждение. Было решено, что Давид Миллер отправится к нему и они вместе обсудят легальные средства, обеспечивающие возможность достижения соглашения при посредстве Лиги наций или каким-либо другим путем. Орlando назначил свидание с Миллером в 11 час. 30 мин.*

Миллер пробыл у него полтора часа. Они не пришли к соглашению, но добились некоторого успеха. Они встретятся вновь завтра в 9 часов.

Я известил президента о происшедшем, он встревожился, опасаясь что Орlando ввиду моих близких отношений с президентом сказанное мною примет за его прямое предложение. Я заверил его, что Орlando правильно понял, как обстояло дело. Разве соглашение может быть достигнуто без предварительного его обсуждения?»

на отставке. «Мне кажется,—добавил он,—что в настоящее время долг каждого из нас не создавать новых осложнений в столь трудной и тяжелой ситуации».

Возвращаясь к своей работе; Соннино приходит пожать мне руку.

Империали и Де Мартино, по распоряжению Соннино, составили памятную записку по вопросу об итальянском мандате на Анатолию. Записка эта была вручена в 15 часов Керру. В ней не говорится о Смирне, которая тем самым признается покинутой. Трое собрались для обсуждения наших дел.

Среда, 14 мая.

11 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Клемансо говорит Орlando, ссылаясь на вчерашнее заседание: «Дела пошли лучше, настала пора действовать вместе».

Орlando спрашивает его, когда они могут побеседовать вдвоем.

Клемансо.—Завтра утром, в 10 часов. Да, нам необходимо повидаться. Мы сейчас переживаем неблагоприятный и опасный момент. Итальянская пресса говорит о союзе Италии с немцами.

Орlando.—Итальянская печать вся против меня.

Хэнки говорит мне, что вчера произошла благоприятная для нас перемена.

Ллойд Джордж просит меня сказать Орlando, что вчера обсуждались все итальянские вопросы вместе. По вопросу о Малой Азии еще не достигли пункта, которого хотел Соннино, однако приблизились к нашим желаниям. Сейчас наблюдается благоприятная для Италии атмосфера.

В начале заседания присутствует Креспи. Речь идет о железнодорожных и морских перевозках в связи с договором с Австрией.

Затем (в 11 час. 45 мин. с участием лорда Р. Сесилия) обсуждается вопрос о блокаде Германии: она будет снята, если Германия подпишет договор, или же будет возобновлена в случае, если Германия откажется подписать.

Остаются только Четверо с Хэнки, мной и Манту.

Орlando.—Редакционный комитет поставил два вопроса в связи с договорами с Австрией и Венгрией. Один из этих вопросов касается ответственности за нарушение законов войны. Разумеется, пункт договора с Германией, касающийся кайзера, неприменим к договорам с Австрией и Венгрией, в которых не имеется соответствующих статей.

Однако в некоторых случаях граждане Австро-Венгерской империи, совершив преступление, переходили в другое гражданство—в чехо-словацкое или иное. Необходимо предусмотреть меры, препятствующие подобным лицам уйти от правосудия.

Вильсон.—Никакая статья в договоре с Австрией или с Венгрией не могла бы обязать чехо-словацкое правительство выдавать своих граждан, обвиняемых в совершении преступления.

Орlando.—Имеется другой пункт, на который я желал бы обратить внимание Совета, а именно вопрос о том, на каком языке должны быть редактированы договоры с Австрией и Венгрией. Я согласился, чтобы договор с Германией был составлен только на английском и французском языках. Но ввиду особого положения Италии по отношению к Австрии и Венгрии я прошу, чтобы оба трактата были редактированы также на итальянском языке*.

Клемансо.—Не имею возражений.

Вильсон.—Не возражаю при условии, если итальянские представители в редакционном комитете будут уполномочены на это.

Орlando.—Они имеют все необходимые полномочия.

(Выносится решение, чтобы договоры с Австрией и Венгрией были редактированы на итальянском, французском и английском языках.)

...

Иду завтракать к Хэнки; он зачитывает часть своего протокола вчерашнего заседания Трех.

Ллойд Джордж расточал похвалы Италии: «Италия во время войны обнаружила некоторые, издавна присущие ей высокие качества: выносливость, умение проводить великолепные дороги. Эмиграция из Италии могла бы колонизовать Анатолию. Я не требую, чтобы ей был выдан мандат на всю Анатолию, его можно ограничить лишь существенной частью Анатолии. Италия полагает, что до настоящего времени с нею не обращались как с подлинной первоклассной державой».

Прошу Хэнки дать мне более точные сведения о том, что именно подразумевается под Анатолией, и убеждаюсь, что речь шла в части, нас касающейся, лишь о южной Анатолии. У нас оспаривают даже Скаланову.

Хэнки говорит мне: «Франция не хочет Армении. Будет ли она отдана Америке? Не хотите ли вы взять ее себе? В последнем случае пришлось бы уступить грекам Додеканез».

Я не скрываю от Хэнки своего негодования. Говорю ему, что «более благоприятная для Италии атмосфера», о которой мне сегодня утром говорил Ллойд Джордж, остается атмосферой, т. е. чем-то лишенным какой бы то ни было прочности. Доба-

* Вопрос о применении итальянского языка в мирных договорах, поставленный и обсуждавшийся в начале конференции, был, несмотря на противодействие, отложен по настоянию Орlando и Соннино. Вопрос в отсутствие итальянской делегации был решен против нас Советом Трех; по возвращении итальянской делегации уже не оставалось достаточно времени для пересмотра этого решения, так как мирные условия были уже отпечатаны только на французском и английском языках и вручены немцам в день нашего возвращения.

вляю, что «если бы мир точно знал о том, что Англия говорила нам о прекращении действия договоров 1917 г. о Малой Азии²⁸, а именно, что они не существуют из-за отсутствия согласия России, я уверен, что он строго осудил бы подобное поведение. Правда, по требованию Франции, ссылавшейся на свои особые обязательства перед Россией, нами была принята эта статья, но она была принята в августе 1917 г., когда иные могли еще верить, что Россия, несущая особые обязательства перед Францией, продолжает еще существовать. Теперь эта Россия не существует больше, и вы хотите отречься от принятых обязательств, явившихся к тому же лишь уточнением Лондонского договора, под тем предлогом, что „Россия“ их не ратифицировала?»

Хэнки молчит.

Я продолжаю: «Но в этом есть нечто большее. Как нам известно, сама Франция, требовавшая включения этого пункта, не отказывалась от соглашения 1917 г., и затем, если Англия в 1917 г. согласилась на это уточнение Лондонского договора, почему же она не хочет во всяком случае возобновить теперь это свое согласие? Англия прикроется аргументом об отсутствии согласия России. Но согласие это не было и не могло быть получено ввиду измены, более того, ввиду исчезновения старой России. Эта измена вынудила Италию напрячь военные усилия в большей, чем это было предусмотрено, степени. Теперь, после того как усилия эти были проявлены и итальянская победа сыграла столь значительную роль в деле разгрома Германии, вы хотите воспользоваться спорной буквой этой статьи, не придавая значения духу, которым проникнуто ее содержание?»

Хэнки молчит.

Я продолжаю: «Да, правда, Ллойд Джордж всегда проявлял сердечность к нам и выказывает благоприятное к нам отношение. Но найти такое решение для Италии, которое не поставило бы Англию в затруднительное положение перед Соединенными штатами, было бы в интересах Англии.

Что же было решено вчера Тремя по адриатическому вопросу?» Хэнки отвечает: «Решение вопроса было оставлено за Вильсоном».

Днем заседание Четырех не состоялось. Трое собираются, чтобы вновь поговорить между собой об итальянских делах.

Орландо имел беседу с Миллером *.

* По поводу этой беседы Ч. Сеймур (op. cit., v. IV, p. 479) публикует следующее письмо полковника Хауза президенту Вильсону: «Париж, 14 мая 1919 г. Дорогой губернатор, сегодня утром в беседе с Давидом Миллером г. Орландо сделал предложение о возможности заключения соглашения между Италией и Югославией по всему адриатическому вопросу, включая Фиуме. Орландо задает следующие два вопроса:

Во-первых, одобрит ли президент соглашение, свободно достигнутое итальянским и югославским правительствами, если они придут к решению, отличному от решения, которое он подготовит? Во-вторых, в случае благо-

В 15 часов на Ка д'Орсе состоялось заседание министров иностранных дел.

Как мне говорили, на этом заседании были рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся договоров с Австрией и Венгрией, а именно: железнодорожные статьи, относящиеся к Чехо-Словацкой республике, отказ Австрии от своих прав на австрийские провинции Галицию и Силезию, равно как и на ту часть Буковины, которая будет уступлена Румынии.

Соответствующие статьи были одобрены.

Вечером Орландо говорит мне: «У нас дома — оппозиция. Креспи выставляет свою кандидатуру на пост председателя совета министров».

Креспи спрашивает меня, почему мы не приняли мер к тому, чтобы Италия присоединилась к гарантийному пакту между Францией и Англией и Соединенными штатами²⁹.

Четверг, 15 мая.

Орландо и Соннино отправились сегодня утром, в 10 часов, к Клемансо.

Орландо возвращается в хорошем настроении.

Говорит мне: «Сценический трюк! Единственный путь к разрешению вопроса, по мнению Вильсона, заключается якобы в том, чтобы итальянцы и южные славяне договорились между собой. Вильсон не смог бы воспротивиться такому разрешению вопроса. Он сам вчера говорил об этом Трем. Но нужно все выполнить в течение суток».

11 часов, у Вильсона. В ожидании экспертов для обсуждения военных, морских и воздушных статей с Австрией и Венгрией Четверо совещаются и выносят решения по некоторым другим вопросам.

Военнопленные. Письмо графа Брокдорф-Ранцау.

Международное бюро труда. Письмо графа Брокдорф-Ранцау.

Четверо поручают Хэнки написать лорду Кенлифу, что они были бы благодарны ему за подготовку репарационных пунктов для включения в договор с Австрией и Венгрией не позднее, чем послезавтра, в субботу.

приятного ответа президента на первый вопрос, согласится ли он, чтобы переговоры между итальянским и югославским правительствами велись впредь при дружественном посредничестве представителя американского правительства? Прошу известить меня. Преданный вам Э. М. Хауз». Президент Вильсон возвратил письмо, подчеркнув слова «свободно достигнутое» с примечанием, сделанным карандашом: «Да, согласен в обоих случаях».

См. также по вопросу об итало-американских переговорах, происходивших вне конференции в течение мая 1919 г., дневник посла Челлере, опубликованный в книге «V. Macchi di Cellere all'Ambasciata di Washington», Vemporad, Firenze 1920.

Вопрос о представительстве Черногории на конференции³⁰. Предложение о посылке комиссии в Черногорию для выяснения вопроса. Президент Вильсон оставляет за собой право подумать об этом*.

Орландо одобрил предложения редакционного комитета для включения в договоры с Австрией и Венгрией в части, касающейся Лиги наций и конвенции о труде³¹. Эти предложения были утверждены его тремя коллегами на заседании, состоявшемся вчера днем.

11 час. 15 мин.—Кроме Четырех, присутствуют военные эксперты (от Италии—генералы Диац, Каваллеро, адмиралы Таон-ди-Ревель, Грасси, командант Русполи; от Франции—генералы Белен, Дюваль, адмирал де Бон, командант Лакомб; от Англии—генералы Вильсон, Секвилл-Уэст, Гровс, адмирал Хоп, г. Керр; от Америки—генерал Локридж).

*Вильсон**.*—Мы получили военные, морские и авиационные пункты для включения в текст договоров с Австрией и Венгрией, как они были предложены соответствующими комиссиями***. Мне казалось бы необходимым, чтобы Совет рассмотрел в первую очередь те пункты, относительно которых имеются расхождения среди экспертов.

Ллойд Джордж.—Первая глава схемы военных статей ставит большой принципиальный вопрос, который должен быть рассмотрен не только в отношении Австрии, но и всех создающихся в настоящее время небольших государств.

Если будет решено, что этим малым государствам, включая Румынию, Чехо-Словакию, Югославию, будет разрешено содержать сравнительно крупные армии, никто не может помешать тому, чтобы государства эти пошли друг на друга войной. С другой стороны, если Австрия и Венгрия сохраняют сильные армии, в то время как это будет воспрещено другим малым государствам, то Австрии и Венгрии придется постоянно бороться против искушения вмешаться в войну, вызывая этим серьезное нарушение порядка. Это наблюдается даже теперь.

Клемансо.—Действительно, некоторые государства все еще находятся в состоянии войны.

Ллойд Джордж.—Государства, о которых я говорю, не воюют; предполагается даже, что они находятся в дружественных между собой отношениях. Несмотря на это, поляки и украинцы, поляки

* Ср. прим. на стр. 227.

** Председателем конференции был Клемансо, но на заседаниях в доме Вильсона, особенно в случаях их многолюдности, фактически председательствовал Вильсон.

*** В представленной схеме было сказано, что численность кадров и запасных не должна превышать 40 тысяч человек в австрийской армии и 45 тысяч человек—в венгерской.

и чехо-словаки режут друг друга. По моему мнению, необходимо, чтобы Совет выработал какой-нибудь окончательный принцип, применимый к вооружениям Австрии и Венгрии и смежных с ними государств. Военные эксперты предложили два различных текста. Большая между ними разница заключается в том, что американское и английское предложение высказывается за уменьшенные армии, в то время как предложение французское и итальянское приведет на практике к созданию в короткий срок крупных армий, которые могут быть организованы немцами в целях войны. Поэтому я высказываюсь за англо-американское предложение.

Совершенно необходимо, чтобы Совет сделал все возможное в целях противодействия возрождению крупных армий, которые практически оказались бы под руководством немцев. Опыт показывает, что разница между боеспособностью солдат, прошедших 12-месячное военное обучение и двух- или трехлетнее, невелика. Разумеется, первые были не так хороши, как последние, однако выказали себя все же с наилучшей стороны.

Клемансо.—Я думаю; что пока г. Ллойд Джордж имеет в виду Австрию и Венгрию, а не смежные с ними государства.

Вильсон.—Лично я считал решенным, что армии должны быть сокращены.

Клемансо.—Если в Совете речь идет об Австрии, я предложил бы соблюсти соответствие с численностью населения, как это уже было решено относительно Германии. Насколько я могу судить, цифра 40 тысяч человек постоянного состава и резервов, предложенная для австрийской армии, не имела под собой никакой логической основы. В случае с Германией при населении в 60 миллионов человек армия в 100 тысяч человек была признана достаточной для поддержания внутреннего порядка и охраны границ, в то время как для Австрии при 7-миллионном населении предусматривается 40-тысячная армия. По моему, цифра эта чрезмерно велика.

Ллойд Джордж.—Я готов согласиться. Я хочу отметить, кроме того, что в случае принятия франко-итальянского предложения об организации армии на основе обязательной службы создавалась бы возможность возникновения в течение четырех или пяти лет весьма крупной армии.

Клемансо.—Согласен. Присоединяюсь к англо-американскому предложению о том, что австрийская армия должна набираться из волонтеров.

Орlando.—Я всецело присоединяюсь к предложению г. Ллойд Джорджа. Говоря вообще, я полагаю, что одной из первых причин будущих войн послужит темперамент балканских народов. Ввиду этого настоящий момент является наиболее благоприятным для того, чтобы вынести решение по принципиальному вопросу и выяснить, должны или не должны все эти небольшие государства обладать ограниченными вооружениями.

Относительно двух предложений—англо-американского и франко-итальянского—г. Клемансо заявил, что, со своей стороны, он высказывается за первое из них, предусматривающее, что в будущем австрийская армия будет набираться из волонтеров. В этом случае Италии пришлось бы одной поддержать предложение о том, что австрийская армия должна быть организована на основе годичной обязательной службы. Мотив, в силу которого я поддерживал эту систему, был всесторонне освещен в то время, когда разрабатывался проект статута Лиги наций. Как я разъяснял президенту Вильсону, Италия не могла бы иметь добровольческую армию, этому препятствуют традиции страны. Как бы то ни было, так как в отношении Германии было решено, что обязательная военная служба должна быть отменена, а будущая армия должна состоять исключительно из добровольцев, я согласен, что не имеется достаточных оснований к принятию иного решения в отношении Австрии. Поэтому я принял бы англо-американское предложение, как это было сделано г. Клемансо.

Что касается численности постоянного состава и резервистов австрийской армии, итальянский военный советник заявил мне, что цифра 40 тысяч человек была предложена британским советником. Цифра эта является максимальной. Я убежден, что Австрии не удастся достигнуть цифры добровольцев ввиду недостатка финансовых средств.

Ллойд Джордж.—Согласен с заявлениями гг. Клемансо и Орlando, хотя мои военные советники придерживаются противоположной точки зрения. Было бы, однако, интересно знать, каким образом они пришли к этой цифре в 40 тысяч человек.

Секвилл-Уэст.—Допустимый максимум в 40 тысяч человек в действительности даст сравнительно небольшую армию, так как эта цифра обнимает собой все виды обслуживания. Было решено, что формирования, составляющие австрийскую армию, не должны превышать двух пехотных и одной кавалерийской дивизий, т. е. от 15 до 20 тысяч бойцов. Я думаю, что этой цифры достаточно для поддержания внутреннего порядка и для контроля границ Австрии. Замечу, что упомянутой армии было бы достаточно для контроля границ, но не для их защиты. Более того, военные советники полагают, что Австрия имеет различных потенциальных врагов, многие из которых обладают армиями, превышающими по численности армию, которую Австрии будет разрешено держать.

Вильсон.—Я бы хотел знать больше подробностей о том, что на 40 тысяч человек можно считать только от 15 до 20 тысяч бойцов.

Секвилл-Уэст.—Существуют виды обслуживания, как-то: учреждения, школы и т. д., поглощающие большое количество людей. Однако было ясно установлено, что состав армии не должен превышать трех дивизий, которые не могут быть увеличены путем мобилизации.

Вильсон.—Это же рассуждение может быть применено к Германии в отношении разрешенных ей 100 тысяч человек.

Секвилл-Уэст.—В более многочисленной армии требуется пропорционально меньше людей для вспомогательных служб. Думаю, что армия из 100 тысяч человек могла бы дать 60 тысяч бойцов.

Клемансо.—Я придерживаюсь радикально противоположного предложению военных советников мнения. Германии при 60-миллионном населении было разрешено иметь 100-тысячную армию, теперь же предполагается предоставить Австрии армию в 40 тысяч человек при населении в 7 миллионов человек. Я желал бы получить разъяснение относительно причин такого расхождения. Какой ответ можно было бы дать германским уполномоченным в том случае, если, основываясь на этой цифре в 40 тысяч солдат, предоставленных австрийцам, они стали бы протестовать, говоря что 100 тысяч человек, предоставленных Германии, будет недостаточно для обеспечения ее безопасности? Напомню Совету, что маршал Фош предлагал 200-тысячную армию для Германии, и Совет по своей инициативе снизил эту цифру до 100 тысяч. По моему мнению, для наемной армии, состоящей из профессиональных солдат, нет надобности в том, чтобы они учились в школе. Рассматривая предложения военных советников, я желаю напомнить моим коллегам, что долг военных заключается в ведении войны, а долг глав государств—в сохранении мира.

Г-н Ллойд Джордж говорил, что, разоружая Австрию, необходимо иметь в виду уменьшение военных сил на прилегающих территориях. Я готов принять это предложение, но если Германии разрешено содержать 100-тысячную армию, недопустимо давать 40 тысяч Австрии, ибо Германия имела бы основание заявить, что с ней несправедливо обошлись. Я лично никогда не соглашусь на это предложение. Я преследую единственную цель, а именно заключить мирный договор, гарантирующий в будущем всеобщий мир. Я с гг. Вильсоном и Ллойд Джорджем устанавливаю мир в Европе. С этой целью необходимо обеспечить разоружение бывших агрессоров, и поэтому я в первую очередь настаиваю на разоружении Австрии и Германии. Австрия объявила войну, Австрия не согласилась на арбитраж. Я хорошо знаю австрийцев. Это боееспособный народ, и именно поэтому они позволили более боееспособной державе воспользоваться ими в качестве военного материала. Я согласен, что Совет должен внимательно рассмотреть предложения, сделанные военными, но Совет должен решить, какой политики следует придерживаться. Я не говорю, что при исчислении австрийской армии необходимо фиксировать с математической точностью ту же пропорцию в отношении населения, как и для Германии. Но, по-моему, 10, 12 или 15 тысяч человек было бы вполне достаточно для поддержания внутреннего порядка и контроля границ Австрии. В новом австрийском государстве не будет большого промышленного населения; крупнейшие про-

мышленные предприятия монархии находились в Чехии. Сельское население является по существу мирным населением. Я прошу в отношении Австрии соблюсти ту же пропорцию, которая была установлена для Германии.

Вильсон.—Согласно заявлению генерала Секвилл-Уэста соотношение между армиями должно выражаться цифрой 15 к 60, а не 40 к 100. Необходимо иметь в виду точные исчисления, а не только поверхностный итог.

Ллойд Джордж.—Рассматривая количество бойцов в Австрии и в Германии, можно видеть, что соотношение между ними выражается цифрой 1 к 4, между тем как соотношение населения этих стран выражается цифрой 1 к 7. Каково было бы количество бойцов, если бы общий состав был установлен в 25 тысяч человек?

Секвилл-Уэст. Около 13 тысяч.

Вильсон.—Быть может, маршал Фош был прав, рекомендуя 200-тысячную армию для Германии.

Клемансо.—Абсолютно отказываюсь вновь поднимать вопрос. Разумеется, я не желаю давать немцам в руки аргумент, который они могли бы использовать против союзников. Я настаиваю, чтобы общая численность австрийской армии не превышала 15 тысяч человек. Меня несколько не заботит тот факт, что для школ и подобных им учреждений должны быть найдены люди.

Орландо.—Допуская принцип, в силу которого цифру в 40 тысяч следует снизить, мне кажется, что для установления точной цифры необходимо передать вопрос на рассмотрение военных экспертов, так как при исчислении количества бойцов следует принимать в соображение вспомогательные службы и т. п. Одновременно я предложил бы моим коллегам дать соответствующим экспертам инструкции о том, чтобы они установили, какие вооруженные силы должны быть предоставлены всем частям бывшей Австро-Венгерской империи. Это связано с общим состоянием дела разоружения. Относительно принципа мы все согласны. Необходимо найти формулу и метод. Г-н Клемансо говорил, что Европа сделалась жертвой агрессивного духа Германии и Австрии. Мне хотелось бы, однако, заметить, что Австрия состояла из агломерата различных национальных элементов и что не совсем точно известно, в каком именно из них особенно силен был этот агрессивный дух.

Клемансо (прерывая).—Я очень хорошо знаю, где именно пребывает агрессивный дух в Австрии. Он находится в Вене, где дюжина юнкеров являлись послушными приверженцами Бисмарка. Г-н Орландо не хочет сказать, что война была начата в Польше, Чехии или Трансильвании. Я сам имел случай часто бывать в Вене в течение 20-летнего периода до войны, и в венских аристократических кругах, когда я пытался их отвлечь от Германии, мне всегда отвечали, что им не оставалось другого выбора, как следовать за Германией.

Орlando.—Я не хочу настаивать на этом пункте. Во всяком случае я не думаю, что г. Клемансо захочет отрицать, что Вена представляет собой штаб-квартиру различных национальностей. С точки зрения французской, было бы весьма близко к истине думать, что опасность идет из Вены, но для итальянца необходимо просмотреть вопрос более внимательно и убедиться, нет ли других источников опасности, кроме Вены.

Клемансо.—Есть другого рода соображение: Венгрия. Австрийцы в своей массе не являются воинственным народом, но венгры именно таковы. И теперь Венгрию хотят трактовать наравне с Австрией, причем невозможно избежать опасности, заключающейся в том, что она может вовлечь Австрию в военную авантюру. У меня нет никакого намерения собственными руками вооружать Австрию и Венгрию, для того чтобы они могли предпринять военные операции против новых соседних с ними государств. Я читал в итальянских газетах, что Австрия должна быть вооружена, чтобы сдерживать Югославию. Это не моя политика. Если малые государства не будут поставлены в условия, дающие им возможность атаковать Австрию, этой последней в свою очередь не должна быть предоставлена возможность предпринять совместно с Венгрией военные действия для подавления освобожденных союзниками народов. По этой причине я соглашаюсь с предложением г. Ллойд Джорджа о разоружении Австрии, Венгрии и всех окружающих их государств. Кроме того, я читал в итальянских газетах, что Италии следовало бы объединиться с Германией для того, чтобы обратиться против славян. Я никогда не согласился бы со столь враждебной интересам союзников политикой.

Орlando.—Прошу г. Клемансо принять в соображение, что я вполне с ним согласен в том, что касается вопроса о разоружении. Я согласился, что было бы справедливо уменьшить численность австрийской и венгерской армий. Я знаю по горькому опыту итальянского фронта, что венгры—превосходные солдаты. Это является доводом в пользу дальнейшего уменьшения армии, предоставленной Австрии. Поэтому, как будет поступлено с Австрией, так будет поступлено и с Венгрией.

Г-н Клемансо ссылаясь на некоторые итальянские газеты. Я желал бы обратить внимание на тот факт, что эти же самые газеты нападают и на меня. Несомненно, что они являются противниками итальянского правительства. Если бы я мог повлиять на них, я начал бы с того, что запретил бы им нападать на меня.

Ллойд Джордж.—Я полагаю, что мы должны принять предложение г. Орlando, а именно, что военным представителям должно быть поручено пересмотреть весь вопрос на более широкой основе, и сообщить, какие силы должны быть предоставлены Австрии, Венгрии и всем прилегающим к ним малым государствам. Вопрос этот имеет весьма важное значение, и если он не будет рассмотрен во всей его полноте, мир в Европе вновь будет нарушен в ближай-

шем будущем. Решение об уменьшении австрийской и венгерской армий до 15 тысяч человек в каждой не приведет к желанному результату, если одновременно не будут ограничены вооружения Чехо-Словакии, Югославии, Румынии, Болгарии и Греции. Не будучи ничем ограничены, каждое из этих государств определит всех своих мужчин на военную службу, и в короткий срок у них образуются армии численностью от одного до двух миллионов человек. Я вполне согласен с г. Клемансо, что Вена в прошлом являлась центром интриг, но, по-моему, атмосферу, чреватую войнами в Европе, создавала непрерывная цепь войн в балканских странах. Военные были свидетелями сменяющих одна другую войн в этих областях, и это возбуждало в них воинственный дух. Поэтому, если Югославия смогла бы создать миллионную армию, Чехо-Словакия—полуторамиллионную, Румыния—двухмиллионную, Греция—шестисоттысячную армию, результат получился бы катастрофический. В Германии до настоящего времени живет весьма воинственное население. Равным образом—в России; и если балканским государствам будет разрешено содержать крупные армии, союзные и присоединившиеся державы оказались бы вовлеченными в осложнения, которые при этом неизбежно возникли бы. Мне нет надобности напоминать моим коллегам, что в силу человеческой природы нередко сегодняшние угнетенные превращаются завтра в угнетателей. Государство с крупной армией начало бы угрожать государству, располагающему небольшой армией, в особенности если в прошлом первое из них подвергалось угрозам или угнетению со стороны второго.

В связи с этим Италия хочет избежать в будущем необходимости содержать для своей защиты большую армию, состоящую из миллионов людей, призванных как на основе добровольного, так и обязательного набора; но если ее соседям с другого адриатического берега будет дано право содержать крупные армии, Италия лишится свободы выбора. Поэтому я приглашаю своих коллег принять предложение г. Орландо о том, чтобы версальским военным представителям было поручено выяснить, какие силы могут быть предоставлены Австрии, Венгрии, Румынии, Чехо-Словакии и Югославии (включая Сербию и Черногорию), Польше, Болгарии и Греции, с соблюдением соотношения, уже установленного для германской армии, с учетом местных условий, а в отношении Польши—с учетом также того обстоятельства, что она может быть вынуждена защищаться против возможных нападений со стороны большевистских сил. Полагаю, что все это следовало бы разрешить до подписания мирного договора.

Клемансо.—Должно быть ясно установлено, что военные представители обсудят вопрос с точки зрения чисто военной.

Вильсон.—Согласен. Думаю, что Совету невозможно будет определить размеры австрийской армии до тех пор, пока не будет установлена численность армий, предоставляемых смежным

государствам. По моему мнению, все эти проблемы связаны между собой. Разумеется, расчет, как говорил г. Клемансо, не может быть произведен на узко военной основе, но военный режим, примененный к Германии, должен послужить образцом, с допущением исключения в отношении Польши.

Клемансо.—Предлагаю, чтобы военные представители приступили к обсуждению австрийского вопроса, имеющего весьма срочный характер. Остальные вопросы связаны с русской проблемой, т. е. с неизвестным фактором. Я имею, главным образом, в виду Польшу.

Ллойд Джордж.—Невозможно рассматривать вопросы, касающиеся различных государств, независимо друг от друга, иначе Совет оказался бы перед лицом требования Австрии, которая могла бы заявить, что она не имеет возражений против цифры, например, в 15 тысяч человек, но сначала желала бы знать, каковы размеры армий окружающих ее государств.

(Выносятся решение, что военные представители Высшего военного совета в Версале подготовят и представят доклад относительно размеров военных сил, которые будут разрешены Австрии, Венгрии, Чехо-Словакии, Югославии (включая Черногорию), Румынии, Польше, Болгарии и Греции, беря в качестве основы соотношения этих сил германские цифры. Что касается Польши, следует учитывать ситуацию на ее восточной границе.)*

Обсуждаются морские статьи мирного договора с Австрией и принимается предложение морских экспертов.

(Президент Вильсон хотел бы, чтобы предусматриваемое договором с Германией запрещение производить морские материалы для иностранцев было отменено в отношении Австрии. Это вызывает дискуссию, в которой принимают участие Клемансо, Орландо, адмиралы Хоп, Де Бон, Таон-ди-Ревель, высказывающиеся против отмены этого запрещения. Ллойд Джордж поддерживает президента Вильсона, полагая, что вопрос не имеет большого значения в случае с Австрией. Клемансо настаивает на своих возражениях, отмечая, подобно другим, что следует воспрепятствовать тому, чтобы Австрия могла выпускать оружие для Германии. Клемансо раздражен и груб: «Не понимаю, почему мы должны отказываться от принятия мер предосторожности? Вы полагаете, что решения Совета будут целиком выполнены? Германия, Австро-Венгрия, Болгария будут пользоваться всяким случаем для того, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств. А Америка будет далеко... Президент Вильсон говорит, что речь идет о незначительных вещах. Дело обстоит иначе. Адмиралы де Бон и Ревель говорили, что Австрия сможет производить военные материалы для Германии. Пусть поступают, как хотят, но это будет против моего желания. Я хочу, чтобы это было занесено в протокол». Вильсон настаивает на своем предложении, заявляя, что не видит опасности в предоставлении этого права, так как у Австрии будет всего лишь одна фабрика. «Возможно, что это происходит от моего непонимания, но я могу видеть только видимые вещи, но не то, что невидимо». Во всяком случае Вильсон ввиду отсутствия своих морских экспертов предлагает отложить обсуждение вопроса.)

* В тексте решения, переданного военным экспертам, слова в скобках, касающиеся Черногории, не были включены.

Утверждаются авиационные пункты, как они были предложены специальной комиссией для мирного договора с Австрией, с оговоркой насчет второго чтения.

Это же относится к пунктам, касающимся между союзнических контрольных комиссий.

Выносится решение, что содержащаяся в статье 30 договора фраза «подчиняться всяким обследованиям» будет заменена менее жесткой фразой и будет сформулирована следующим образом: «Пока останется в силе настоящий договор, австрийское государство обязуется допускать все обследования, которые Лига наций большинством голосов признает необходимыми».

По окончании заседания Вильсон обращается к Орландо: «Сегодня утром мы хорошо поработали, несмотря на насыщенную электричеством атмосферу». Орландо отвечает: «Не по моей вине».

Клемансо был действительно свиреп, как тигр, говоря о поведении итальянской прессы, выступающей в защиту итало-германского союза. Орландо, как и вчера, спокойно отвечал ему.

Клемансо раздражен также против Ллойда Джорджа и говорит ему: «Англия ничего другого не желает, как только уйти».

Днем заседание Четырех не состоится, так как Ллойд Джордж уехал на фронт для смотра английских войск из Уэльса. Вернется в субботу.

Орландо отправился повидать Хауза.

Сегодня происходила беседа между Креспи, Миллером и Симонем по вопросу о колониальных компенсациях в пользу Италии. Беседа носила малоудовлетворительный характер.

Пятница, 16 мая.

Челлере, за эти дни часто выдававшийся с Миллером, сообщает нижеследующее предложение, являющееся последней попыткой Миллера урегулировать адриатический вопрос:

1) относительно Альп: линия, установленная по перемирию, от Бреннера до границы с Фиуме;

2) Фиуме («*Corpus seragatum*»³², следуя по долине Фиумары до выхода в море)—свободный и независимый город и порто-франко; независимость будет гарантирована Лигой наций;

3) Зара и Себенико передаются Италии;

4) территория, примыкающая к побережью Далмации, будет нейтрализована;

5) требуемые Италией острова отойдут к Италии, за исключением острова Паго, который перейдет к Югославии и нейтрализуется;

6) Валона переходит к Италии. Если будет установлен мандат над Албанией, его получит Италия.

48 Альдрованди Марескотти

Орландо и Челлере, собравшись у Соннино, сформулировали следующие итальянские контрпредложения:

Италия была бы готова принять пункты 1, 4, 5 и 6. Пункт 2 нужно изменить следующим образом: Фиуме предоставляется свобода поручить Италии свое дипломатическое представительство. Задача Лиги наций ограничивается обеспечением независимости и автономии Фиуме без какой-либо другой формы или содержания контроля. Пункт 3 принимается с нижеследующим дополнением: соразмерная территория (например избирательный политический округ) будет оставлена городам Зарой и Себенико.

Итальянское правительство надеется на дружественную поддержку со стороны американского правительства по нижеследующим вопросам:

а) итальянцы городов Трау и Спалато могут свободно принять итальянское гражданство в течение года, причем славянам, проживающим в Заре и Себенико, будет взаимно предоставлено такое же право;

б) две большие железнодорожные линии между Триестом и Веной (Понтэббанская и Трансальпийская) останутся вне пределов югославской территории;

в) устранение всех специальных таможенных статей, подразумевающих специальную таможенную систему, между территориями государств, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи;

г) пересмотр решений, принятых по вопросам адриатического торгового флота;

д) Италия получит мандат на всю Анатолию, за исключением города Смирны и части, включенной в мандат на Константинополь. Челлере уполномочен передать эти контрпредложения Миллеру.

Заседание Четырех не состоится. Отправляясь на Кэ д'Орсе на заседание министров иностранных дел.

Заседание начинается с обсуждения вопроса о границах Болгарии с Грецией.

.....
Болгаро-румынские переговоры.

.....
Болгаро-сербские переговоры.

.....
Пишон сообщает текст трех статей, представленных польской делегацией для включения в мирный договор с Австрией. Условия эти касаются возвращения архивных документов, реестровых и инвентарных книг, карт и вообще всех документов, относящихся к территориям, перешедшим в настоящее время под суверенитет Польши и ранее принадлежавшим австро-венгерской монархии. Это же относится к книжным магазинам, музеям, собраниям произведений искусства, к предметам науки и культа и т. д., находившимся во владении австрийской монархии с 1772 г.³³ до настоящего времени.

Соннино.—Все это относится к давно прошедшим событиям, имевшим место несколько веков назад. Если будут выдвигаться рекламации, относящиеся к событиям, совершившимся до наполеоновских войн, Италия сможет сослаться на прецедент.

(Вопрос передается на рассмотрение репарационной комиссии.)

Пишон зачитывает письмо доктора Бенеша, протестующего против включения чешских немцев в состав австрийской мирной делегации.

Соннино.—Мне кажется, что конференция не может выдвинуть формального возражения. Можно сказать австрийцам, что сделанный ими выбор делегатов не представляется подходящим, но официальный протест по-моему был бы неуместен. Если бы австрийцы выбрали в состав делегации лиц, родившихся на итальянской территории, как, например, в Трентино или Триесте, я подумал бы, что выбор сделан неудачно, но не выступил бы с официальным предложением.

(Решено не давать хода просьбе д-ра Бенеша.)

Бальфур вполголоса говорит: «Если этих делегатов по возвращении в Чехию повесят, это нас не будет касаться».

Орlando отправился вместе с Челлере к Хаузу в «Отель Крийон» в 17 часов и пробыл там до 20 час. 15 мин.*

В комнате, отделенной от комнаты Хауза салоном, находились южные славяне и среди них Трумбич. Хауз служил посредником между двумя группами, причем ему помогали Фразье и Джонсон, находившиеся в одной комнате с Трумбичем.

Челлере говорит мне, что сербы согласны уступить Италии только половину Истрии, Луссин, Каццу, Пелагозу; согласны на предоставление автономии Фиуме, но все остальное хотят оставить за Югославией под контролем Лиги наций.

Таким образом, представляется невозможным идти дальше в смысле попыток прямого соглашения между итальянцами и южными славянами. Переговоры возобновятся завтра утром. Если они не приведут ни к каким результатам, придется вернуться к предложениям Миллера и итальянским контрпредложениям.

Спрашиваю Челлере: «Вильсон согласен с Миллером?».

Челлере отвечает: «Определенно мне это неизвестно, но думаю, что согласен».

Напоминаю Челлере об оптимизме, проявленном им 23 апреля и обнаружившем впоследствии свою несостоятельность.

Суббота, 17 мая.

В 9 час. 30 мин. Орlando вместе с Челлере отправляется к Хаузу, который во время разговора часто telefонирует Вильсону**. Главной темой совещания является восточная сторона Истрии.

* Ср. *C. Seymour*, op. cit., p. 480 etc.

** Ср. *C. Seymour*, op. cit., IV, p. 483 etc. Хауз пишет: «Я обсудил вопрос с президентом (Вильсон) до их (Орlando и Челлере) прихода, но он был непреклонен в своем решении ничего не уступать».

Орландо возвращается с мрачным лицом. Относительно Фиуме Орландо согласился бы на плебисцит через 10 лет.

Соннино выражает неодобрение.

В 11 часов—заседание Четырех у Вильсона.

Вопрос об опубликовании мирного договора с Германией.

Вероятность принятия мер в случае неподписания немцами договора.

Ллойд Джордж рассказывает, что вчера он выступал перед английскими войсками, говоря о том, какие плачевные последствия возникли бы в том случае, если бы результаты пяти лет войны оказались напрасными. Он говорил войскам, что, быть может, придется пойти на Берлин. «Войска, как один человек, выказали единодушное желание поступить именно таким образом, если это будет необходимо. Среди них имеется дивизия, потерявшая около 9 тысяч человек во время прошлогодного наступления».

Ответы на письма Брокдорф-Ранцау,

По поводу поставки оружия новым государствам Центральной и Восточной Европы решено, что три представителя (один от Франции—Лушер, один от Англии—Лэйтон и один, которого назначит Орландо) изучат вопрос.

Ллойд Джордж.—Работа этого комитета будет связана с работой версальских военных представителей при исчислении военных сил новых государств в связи с мирными договорами с Австрией и Венгрией.

Клемансо.—Это очень важный вопрос. По моему мнению, потребуется вмешательство Лиги наций.

Вильсон.—Если все нации будут включены в группу, достижение согласия не представит затруднений.

Польско-украинское перемирие.

Ввиду того что на совещании затрагивался вопрос о том, каково должно быть точное наименование Совета Четырех, Хэнки заметил, что до настоящего времени применялся термин «Верховный совет главных союзных и присоединившихся держав».

Вильсон.—Я бы возражал против слова «верховный», которое может не понравиться некоторым малым государствам.

Решено, что в будущем он будет именоваться Советом главных союзных и присоединившихся держав*.

* Хэнки, который между прочим содержал архив в отличном порядке, имел обыкновение помечать свои папки одними лишь инициалами, а не полным обозначением. Папку с делами Четырех, так называемой «Большой Четверки» («Big Four»), он обозначил буквами «В. Ф.». «Не странно ли,—сказал он однажды вполголоса,—что этими же инициалами начинаются слова «Bloody Fools» (закоренелые идиоты)». Слышавший это Ллойд Джордж весело и громко

Тешен.

Сабба—еврей.

Говоря о евреях, Ллойд Джордж замечает, что необходимо поступить, подобно немцам, а именно: использовать способности евреев. Он отметил, что немецкая делегация наполовину состоит из евреев.

Черногория.

Международные организации труда.

Брокдорф-Ранцау телефонировал в секретариат о том, что сегодня вечером он выедет в Спа, с тем чтобы переговорить со своим правительством.

(Говорят, что по требованию секретариата и редакционного комитета, которые до настоящего времени получали решения Четырех в форме простой заметки, посылаемой полковником Хэнки, отныне на решениях этих должна стоять подпись или инициалы Четырех.)

Ллойд Джордж предлагает, и предложение это принимается, заслушать днем индусскую делегацию.

У Орlando подавленный, изнуренный вид.

Клемансо спрашивает его: «Как идут ваши дела с Югославией?»
Орlando.—Никак. Это невозможно.

Клемансо.—Могу ли я сказать об этом Вильсону?

Орlando.—Скажите ему, но думаю, что ему это уже известно.

Клемансо говорит об этом Вильсону и Ллойд Джорджу, сопровождая свои слова широкими жестами... Слышу: «Итальянцы в Вене очень волнуются в связи с вопросом о присоединении Австрии к Германии».

После заседания по поручению Орlando отправляюсь к Хаузу, прося его ускорить окончательный ответ Югославии. Хауз, любезный, сердечный, говорит, что это будет сделано.

16 час. 15 мин. Заседание Четырех у Вильсона.

Клемансо (направляясь к Орlando).—Сейчас печатается на машинке касающаяся вас бумага относительно ваших десантов в Анатолии. Она будет вам вручена. Тем временем сообщу вам ее содержание:

Президент Соединенных штатов, премьер-министр Великобритании и я были информированы о том, что итальянские войска заняли Скаланову, высадив моряков и солдат, заняв таможни и водрузив итальянский флаг. Будем весьма признательны, если премьер-министр Италии соизволит

рассмеялся. Соннино пожелал узнать, о чем шла речь. Ллойд Джордж разъяснил ему, добавив: «Но это можно отнести также к «Big Five!» («Большой Пятерке», т. е. пяти министрам иностранных дел, включая Соннино.)

известить нас, верно ли это сообщение, и в этом случае какие мотивы побуждали его предпринять вышеуказанные действия без предварительного извещения своих коллег о намерениях итальянского правительства. Мы тем более встревожены этим, что означенной высадке предшествовали другие десанты — в Адалии, Мармарице и Будруме, относительно которых мы равным образом не были поставлены в известность. Нам хотелось бы отметить, что мы никогда не предпринимали выступлений в Турции без предварительного согласования с итальянским коллегой*. При недавней высадке греческого десанта в Смирне мы обсудили предложение об этом с ним, прежде чем было дано приказание хотя бы одному греческому отряду покинуть греческую территорию, и сам г. Орlando согласился на посылку и совместную с союзниками высадку десанта для занятия фортов. Мы вынуждены также выразить наше удивление по поводу предпринятых итальянскими властями действий, если они в действительности имели место, ввиду того что в прошлый четверг я известил вас, что, по мнению большинства коллег Совета Четырех, Скаланова не должна быть включена в сферу итальянского влияния в Малой Азии. Мы были бы вам весьма обязаны, если бы вы могли возможно скорее исчерпывающим образом осведомить нас относительно названных фактов, ибо Совету Четырех было бы невозможно договориться о проблеме Ближнего Востока, если один из его членов настойчиво предпринимает самостоятельные действия, не согласуя их с остальными членами.

Орlando. — Когда вы мне на днях сообщили о решении договориться насчет высадки греческих войск в Смирне, г. Ллойд Джордж пожелал узнать от меня сведения об итальянских десантах в других пунктах Малой Азии. Я ответил, что я не имею об этом данных и что я запрошу их у барона Соннино. В тот же день Соннино и я навестили г. Ллойд Джорджа в его доме, и барон Соннино объяснил, что эти десанты были произведены по причине местных беспорядков. Впоследствии на заседании Четырех, когда я сообщил ответ относительно решенной союзниками высадки греков в Смирне, больше не было речи о произведенных десантах. Я считал вопрос исчерпанным. Теперь, по получении письменного сообщения, я обсужу вопрос вместе с Соннино.

Ллойд Джордж. — Я слышал, что в Скаланове был высажен небольшой итальянский десант для ремонта дока, после чего итальянские силы вновь были посажены на суда. Но последние известия носят гораздо более серьезный характер. Речь идет о высадке войска в 500 человек. Был поднят итальянский флаг, таможи были заняты, и часть войск продвинулась в глубь страны. В Мармарицу отправился только итальянский флот; что же касается Скалановы, там были высажены значительные силы. Сверх того высадки эти были произведены в тот момент, когда главные союзные и присоединившиеся державы высказались против включения Скалановы в сферу итальянского влияния и за распространение на Скаланову греческого влияния. Это по настоящее время являлось предметом обсуждения, причем окончательное решение еще не было вынесено. Итальянская высадка была произведена при наличии этих условий. Это еще более затрудняет при-

* Ср. прим. на стр. 254.

нятие решения по вопросу о Малой Азии и о любом другом месте. Если бы что-либо подобное произошло между нами и французами и мы предприняли бы аналогичные этим действия в оспариваемых территориях, последствия могли бы быть весьма серьезны. Я особенно сожалею, что названное выступление компрометирует протекавшее благоприятно, по моему мнению, обсуждение вопроса. Должен прямо заявить, что я считаю весьма вредным то, что случилось. Когда вчера вечером я узнал об этом, это произвело на меня наихудшее впечатление. Это значит перепрыгнуть через препятствие, в то время когда оно является предметом обсуждения.

Орландо.—Я понимаю чувства г. Ллойд Джорджа, имея в виду то толкование, которое он придал случившемуся. Но я категорическим образом заверяю его, что высадка эта не имела той цели, которая вызывает его сожаление. Впрочем, повторяю, он сам недавно говорил о произведенной уже нами высадке в Скаланове. Мне неизвестны случаи крупных десантов, занятия таможен, водружения итальянского флага. Я думаю, что речь идет о высадке, произведенной без всякого намерения причинить ущерб будущим решениям, относящимся к этой территории. Это обязательство должно соблюдаться нами, как и греками, как это было постановлено. Я рассмотрю сообщенный мне документ и отдам необходимые распоряжения.

Ллойд Джордж.—Я сожалею о случившемся тем более, что мы намеренно исключили оккупацию Скалановы греками, хотя при обсуждении вопроса о греческой оккупации мы полагали, что Скаланова должна войти в сферу их влияния. Мы поступили так потому, что поступить иначе было бы несправедливо по отношению к Италии, пока вопрос об окончательной передаче Скалановы оставался неразрешенным.

После заявления Ллойд Джорджа следует продолжительный интервал тяжелого молчания.

Спустя некоторое время Вильсон начинает вновь говорить, заявляя, что нужно перейти в верхний этаж, где дожидается делегация Индии; он рассказывает, что, по полученным сведениям, генерал Деникин одержал крупную победу над большевиками, взяв в плен 10 тысяч человек³⁴.

В конце заседания Орландо вручают меморандум, о котором говорил Клемансо. Он напечатан на американской пишущей машинке, на американской бумаге.

Четверо переходят в верхний этаж, где находится делегация Индии.

Кроме нас, присутствуют английский государственный секретарь по делам Индии Монтегю, махараджа Биканира—лорд Синх, Ага-хан, Афтаб Анад, Юсуф Али.

Все излагают свои заявления, как заученный урок под руководством английского государственного секретаря. Все они заявляют о том, что они слышали, будто Константинополь будет

изъят из-под власти Турции и халифата³⁵, и выражают свое сожаление по этому поводу, ибо не могут понять, по какой причине Константинополь не остается у турок, в то время как столицы других государств, хотя и побежденных (Берлин, Вена, София), остаются в руках немцев, австрийцев, болгар. Они ссылаются при этом на право национальности, на XII из Четырнадцати пунктов президента Вильсона, который зачитывается, и все они ссылаются, как бы для того, чтобы растрогать Вильсона, на Лигу наций, куда Индий и мусульмане хотят вступить. Не обошлось без единодушных ссылок и подробностей, касающихся халифата: «Мусульмане сражались, понеся так много жертв кровью и деньгами, против турок, явившихся жертвою дурных советов, но вместе с тем они в течение всей войны ежедневно молились за султана, который является их халифом». Не было недостатка в многократных указаниях на опасности, которые могли бы угрожать будущему миру в том случае, если мусульмане почувствуют себя недовольными и сочтут свои надежды обманутыми. Приводится также фраза Ллойд Джорджа, в которой содержалось обещание не лишать турок их столицы, Фракии, Малой Азии, населенных главным образом турецким племенем.

Индийская делегация удаляется.

Ллойд Джордж не возражал, когда недавно президент Вильсон говорил о возможности американского мандата на Константинополь и Фракию. Сегодня он, казалось, с живейшим любопытством слушал только что произнесенные речи, с содержанием которых он, разумеется, был предварительно ознакомлен. Почти все время он подпирал голову рукой в состоянии глубокого размышления.

По отъезде делегации он утверждает, что заявления их произвели на него очень сильное впечатление и что он, со своей стороны, убежден в необходимости сохранить халифат в Константинополе. Он говорит: «Я связан заявлением, сделанным мною турецкому правительству. Клемансо подтвердил мне телеграммой свое согласие с этим моим заявлением».

Клемансо (озабоченный, недовольный).—Не помню.

Ллойд Джордж.—Я пошлю вам копию. В Британской империи около полумиллиона человек сражалось против турок, между тем как ни у кого другого не было более двух тысяч. Прошу моих коллег решить, не представляется ли желательным сохранить халифат в Константинополе.

Вильсон, который перед тем говорил о возможности предоставления Соединенным Штатам мандата на Константинополь, сильно хмурится. Он ограничился обращением к мусульманской делегации, в котором заявил, что возможность вхождения в Лигу не исключена ни для одной из религий.

Соннино дает инструкции Империяли о подготовке ноты с изложением итальянской точки зрения в вопросе о Малой Азии.

Орlando спрашивает меня, нет ли какого-либо ответа от Хауза. Отвечаю: «Никакого»*

Воскресенье, 18 мая.

Орlando и Соннино вносят изменения и смягчающие выражения в составленную Имперали ноту по вопросу о Малой Азии.

Нота получает следующее содержание:

«Случаи итальянской оккупации в Малой Азии, относительно которых президентом Соединенных штатов и премьер-министрами Франции и Великобритании были запрошены сведения, вызывались повелительными мотивами поддержания общественного порядка и были произведены без тех столкновений, которые произошли в связи с греческой высадкой в Смирне.

Провинция Адалия приблизительно за месяц до итальянской оккупации бесспорно являлась жертвой анархии. Дальнейшие оккупации имеют чисто военный характер, наподобие других оккупаций, произведенных союзными державами в Турции, и не оказывают никакого влияния на окончательное решение судьбы различных территорий, принадлежащих Османской империи.

Ввиду этого, а также поскольку вопрос об окончательном урегулировании положения на этих территориях пока еще не возбуждался, председатель итальянского совета министров не может не напомнить премьер-министрам Франции и Великобритании о содержании статьи IX Лондонской конвенции от 26 апреля 1915 г. и о тех правах, которые на основе этой статьи были признаны за Италией.

Что касается отмеченного ими факта непредупреждения союзников, г. Орlando желает в свою очередь отметить, что причина, равно как и способ этих оккупаций исключают возможность предварительного уведомления. Впрочем, приглашение принять участие в оккупации Смирны было обращено к Греции без ведома г. Орlando. Таким образом, фактически, если не юридически, компрометировалось окончательное решение, касающееся города, относительно которого между итальянским правительством и греческим, в соответствии с желанием союзных держав, происходили и все еще продолжались переговоры, свидетельствующие о духе примирения, которым руководилось в этом случае итальянское правительство.

Равным образом никакого предварительного сообщения о произведенной французами оккупации Гераклеи не было сделано председателю совета министров Италии.

Председатель итальянского совета министров желает в заключение заверить президента Соединенных Штатов и премьер-министров Великобритании и Франции в том, что он не менее, чем они,

* Сид писал («Through Thirty Years», т. II, р. 333), что «ускользавшую от американцев» причину настойчивости Орlando он «открыл» в «боязни Орlando, как бы его соперник Нитти не обратил итальянское общественное мнение против него. Он надеялся выйти из положения при помощи заявления, что адриатическая проблема урегулирована».

заинтересован в достижении в полном и дружественном согласии со своими коллегами окончательного разрешения средиземноморской проблемы, каковое, целиком отвечая духу и букве соглашений, определивших вхождение Италии в войну, могло бы и в этом случае принести Италии удовлетворение, справедливо требуемое всей нацией».

Днем, в половине первого, Орlando отправляется вместе со Скордиа* к Ллойд Джорджу. Он не хочет иметь при себе переводчиков, которые «подобно Имперали, Соннино, Альдрованди вносят свое».

Орlando, вернувшись, рассказывает о происшедшей между ним и Ллойд Джорджем беседе. Об этом у меня имеется следующая запись.

Сначала речь заходит о тех шагах, направленных к достижению соглашения по адриатическому вопросу, которыми интересовался полковник Хауз.

Ллойд Джордж выказал себя осведомленным об этом, или, вернее, о тех переговорах с Югославией, которые имели место позавчера, а не о тех результатах, к которым переговоры эти последовательно привели позавчера вечером и вчера утром.

Это доказывает, что между Хаузом и Ллойд Джорджем никакой связи не имелось вопреки тому, что нам об этом говорилось. Что касается высадки в Скаланове, Ллойд Джордж говорил, что протест исходит от президента Вильсона. Ллойд Джордж выразился в точности следующим образом: «Не понимаю, почему президент Вильсон так близко принимает к сердцу вопрос о Скаланове».

Ллойд Джордж зачитал список условий, представленных нам Миллером, а также представленные Италией контрпредложения. Из этих контрпредложений Орlando снял то, которое относилось к пересмотру тоннажа в Адриатике, и указание на таможенную лигу.

Ллойд Джордж выразил надежду на возможность разрешения адриатического вопроса. Он заявил, что сможет вместе с Клемансо повлиять на президента Вильсона и убедить его пойти на уступки.

Говоря затем об Анатолии, он заявил, что разрешение этого вопроса представляется весьма затруднительным, так как Франция не хочет ничего уступать, кроме северной части. Клемансо, быть может, и согласился бы, но Кэ д'Орсе придерживается иного мнения и настаивает на своей точке зрения перед Клемансо.

Ллойд Джордж заявил, что у него создалось такое впечатление, что Франция поглотила слишком много, и поэтому ей с трудом удастся переварить то, что она приобретает в этой войне.

Ллойд Джордж заявил затем, что его очень заботит вопрос о магометанах и что в Анатолии можно будет вести речь о сфере влияния, но не о лишении султана всяких прав.

* Князь Скордиа—секретарь миссии, личный секретарь Орlando.

Ллойд Джордж.—Почему вы считаете важным получение Анатолии?

Орландо.—Вы хорошо понимаете, что, для того чтобы получить согласие моей страны на мирные условия, не дающие ей полного удовлетворения в Адриатике, мне необходимо добиться удовлетворительных результатов в других местах.

Ллойд Джордж.—Если вы говорили, что Фиуме является национальным вопросом, каким образом можете вы полагать, что удовлетворительные результаты в другом месте могут явиться достойной компенсацией?

Орландо.—Я признаю, что это нельзя будет считать компенсацией, но это послужит некоторым утешением.

Ллойд Джордж.—Следовательно, вы в случае получения Фиуме не стали бы настаивать на передаче вам всей Анатолии?

Орландо.—Разумеется, я не стал бы настаивать. С получением Фиуме дело приняло бы другой оборот.

Ллойд Джордж.—Вопрос о Фиуме был раздут; не стоило делать этого. Я знаю, что южные славяне придают ему большое значение. Трумбич—человек упрямый, и вопрос этот он считает важным, но Пашич не придает ему значения.

Орландо.—Дайте мне возможность получить Фиуме, и моя общая точка зрения изменится. Если же Фиуме останется свободным городом, я не знаю, удастся ли мне получить согласие Италии на мирные условия.

Я должен заявить также нечто, чему я придаю большое значение. По подписании мира с Германией окажется, что другие страны практически получают мир, а Италия—нет. Вы понимаете, в какое трудное положение попадет в этом случае Италия. Но, кроме этого, необходимо иметь в виду статью о Лиге наций. Я не могу подписать договор с Германией, в который включается пакт Лиги наций, не сделав заявления, могущего избавить Италию от обязательств, так как Италия еще не получила следуемых ей территорий.

Ллойд Джордж.—Признаю серьезность положения, но мне кажется, что вам не следует выступать с публичным заявлением. Скорее следовало бы рассмотреть, не может ли Совет Четырех согласовать между собой удовлетворяющую вас декларацию.

Орландо.—Если мы ее согласуем вчетвером, можно будет обойтись без публичного заявления.

Что касается итальянских территориальных вопросов, то если по ним и не будет достигнуто компромисса, остается только применить Лондонский договор. Что может, по вашему мнению, произойти? Каким именно практическим путем можно притти к соглашению?

Ллойд Джордж.—Произойдет то, что Америка в публичной форме заявит вам, что вы, по ее мнению, должны очистить некоторые

территории. Естественно, что в этом случае Франция и Англия заявят, что вы имеете право удерживать территории, предусмотренные Лондонским договором, но из числа этих территорий они, разумеется, исключают Фиуме.

В 17 часов Орlando имел беседу в «Отель Ритц» с епископом города Чикаго Келли. Беседа происходила в апартаментах советника миссии Брамбилла, участвовавшего в этой беседе в качестве переводчика.

На основании этой беседы, содержание которой Орlando сообщил итальянским делегатам, была составлена следующая заметка.

Монсиньор Келли приступил к беседе, говоря, что теперь, ввиду расчленения Австрии, а также потому, что Франция совершенно атеистична, Италия является единственной католической великой державой. Он считает, что Италия могла бы воспользоваться этим обстоятельством, чтобы утвердить свое положение в мире, используя все средства, имеющиеся в распоряжении католической церкви. По его мнению, следует принять весьма срочное решение.

Орlando.—Что вы хотите этим сказать? Я не могу принять никакого решения без согласия короля и парламента.

Келли.—Решение должно быть принято в срочном порядке ввиду представляющейся возможности принятия папы в Лигу наций.

Орlando.—Принятие папы в Лигу наций я рассматриваю только как результат примирения с Италией, ибо я не могу себе представить, чтобы св. престол мог быть принят куда бы то ни было вопреки воле Италии^{3а}. Если бы представитель папы вошел в какое-либо помещение, Италии не оставалось бы ничего другого, как уйти оттуда. Между Италией и св. престолом возобновилась бы, таким образом, борьба на ножах.

Келли.—Да ведь папа и не думает добиваться принятия в Лигу наций помимо и против вас.

Замечу, что положение президента Вильсона в Соединенных Штатах сильно пошатнулось. Он не будет переизбран. Но помимо него лично в Соединенных Штатах на карту поставлены интересы его партии. Против него выступают ирландцы, так как он не защищал, как было им обещано, их прав на конференции; против него будут итальянцы, притязаний которых он не удовлетворил; против него, следовательно, будет вся католическая масса Соединенных Штатов. Единственное средство для примирения этих противоречий он видит в оказании поддержки папе.

Понедельник, 19 мая.

Орlando плохо себя чувствует, телефонирует об этом Хэнки, а также о том, что вместо него сегодня в совещании Четырех примет участие Соннино.

Ответ: сегодня нет заседания*.

Соннино принял Миллера. Миллер не оптимист, в особенности в вопросе о восточной части Истрии. Он говорит: «Отчего не откладываете решения?»

Соннино отвечает ему: «А нервы итальянского народа?»

Орlando говорит ему, что Маркони видел Стида. Сид сбавил тон: он утверждает, что Югославия не обнаруживает непреклонности в вопросе о Фиуме и что более всего противодействует этому Вильсон, который жалуется на то, что мы пользуемся союзническими деньгами для борьбы с союзниками на страницах печати.

Хэнки мне телефонирует: «Не хочет ли барон Соннино принять участие в заседании в 16 с половиной часов?»

«О чем будет идти речь?»

«Кажется, хотят обратиться к нему с вопросом о десантах в Малой Азии».

Отправляясь на заседание, сильно нервничающий Соннино говорит мне: «Попытаюсь овладеть моими нервами».

В приемной Вильсона находится Венизелос. Его приглашают к Четырём.

Вильсон (у него довольный, удовлетворенный и злобный вид).—Обращаю внимание барона Соннино на врученный нами вчера г. Орlando меморандум, в котором Совет указывает, что итальянские десанты в Малой Азии, повидимому, не имеют никакого оправдания.

Соннино вручает ответ итальянской делегации на меморандум Трех; затем, взглянув на Венизелоса, возражает против «присутствия третьего лица». «Я не могу согласиться с присутствием г. Венизелоса».

Изумление и замешательство Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа. Венизелос собирается удалиться. Вильсон просит его остаться, но Венизелос все же выходит из комнаты.

Вильсон.—Не понимаю поведения барона Соннино. Г-н Венизелос является членом мирной конференции наравне со всеми другими.

Соннино.—Я говорю не от своего имени, а от имени председателя итальянского совета министров, который сейчас болен. Я не могу допустить, чтобы лицо, не присутствовавшее при вручении меморандума г. Орlando, принимало участие в общем обсуждении этого документа. Я не считаю это справедливым ни по отношению к себе, ни по отношению к итальянской делегации, а в осо-

* Р. С. Бэкер (op. cit., v. II, p. 199) публикует незнакомый мне отрывок из книги «Secret Minutes of the Council of Four», относящийся к 19 мая. Из контекста цитаты явствует, что никто из итальянцев не мог быть на собрании. По всей вероятности, речь идет о заседании Четырех (но без Орlando и Соннино), состоявшемся утром 19 мая. На этом заседании говорилось об Италии и о Малой Азии. Другое заседание без нашего участия состоялось 21 мая. См. стр. 296.

бенности потому, что для г. Венизелоса вопрос представляет особый интерес.

Вильсон.—Вы говорите, что г. Венизелос не должен присутствовать, потому что он не заинтересован?

Ллойд Джордж.—Нет. Барон Соннино говорит, что он не должен присутствовать, потому что он заинтересован.

Соннино.—Мне мало известно об обстоятельствах, при которых меморандум был вручен Орландо, но я не могу понять, почему он должен обсуждаться в присутствии пятой стороны. Итальянская делегация не была призвана участвовать в обсуждении вопроса об отправке греческих солдат в Смирну.

Ллойд Джордж.—Ни один греческий солдат не был отправлен в Смирну без уведомления о том итальянской делегации.

Соннино.—Г-ну Венизелосу было предложено отправить войска 6 мая.

Вильсон.—В то время итальянская делегация не была в Париже.

Соннино.—Итальянская делегация имела беседу общего характера с греками в начале мирной конференции. Затем все было приостановлено в связи с обсуждением более широких вопросов: Адриатика, мандаты в Турции и т. д.

Ллойд Джордж.—Решение о посылке греческих войск в Смирну было нами принято по той причине, что греки подвергались там насилиям и уничтожению. Я сам получил письмо от одного английского коммерсанта в Смирне, который это засвидетельствовал. В Смирне было от 200 до 300 тысяч греков, которых нужно было защитить. Этого основания для итальянской высадки в Скаланове не имелось, так как там итальянцы не проживают.

Клемансо.—Я знаю, что итальянцы жаловались на высадку французами десанта в Гераклею, о чем имеются указания в меморандуме, только что врученном бароном Соннино. Я тщательно расследовал это обстоятельство. Десант этот был произведен не по приказу из Парижа, где об этом ничего не знали. Высадка была произведена по требованию турок французским командованием в Константинополе, так как Константинополь нуждался в угле, который вследствие беспорядков в Гераклее не прибывал оттуда. Я готов распорядиться об уходе французских солдат, которых насчитывается всего одна рота, если конференция того пожелает.

Вильсон.—Только что врученный бароном Соннино меморандум не дает ответа на наш меморандум. Он не разъясняет, почему 2 тысячи итальянских солдат были высажены в Скаланове.

Соннино.—В округе происходили беспорядки. Когда греки высадились в Смирне, там произошли убийства и имели место случаи массовых избиений со стороны греков. Впрочем, в 1917 г. не только Скаланова, но и Смирна были предназначены Италии. Вопрос еще находился на рассмотрении, когда было разрешено произвести греческий десант.

Ллойд Джордж.—По Лондонскому договору Смирна не была присуждена Италии.

Соннино.—Статьей IX Лондонского договора было признано вообще, что в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции Италия получит справедливую долю в средиземноморской зоне по соседству с провинцией Адалией.

Ллойд Джордж.—Во время войны Италия не выказывала никакого стремления занять какую-либо часть Турции—ни Смирну, ни Бударум, ни Скаланову. В то время подобного рода выступление было бы весьма желательно.

Соннино.—Италия неоднократно предоставляла свои войска для турецкого фронта. Так, например, мы предоставили наши эритрейские войска для Палестины.

Ллойд Джордж.—Были отправлены только абиссинские (sic) войска, всего в количестве 1 тысячи, в то время как их требовалось от 200 до 300 тысяч для борьбы с Турцией*.

* 27 апреля 1917 г. Родд передал Соннино телеграмму английского министерства иностранных дел с сообщением британского военного кабинета.

Сообщение это относилось к происходившим переговорам для определения причитающейся Италии доли в Анатолии на основе статьи IX Лондонского договора.

В сообщении между прочим содержится следующий пункт: «Британский военный кабинет желает разъяснить, что передача Италии столь обширных территорий Оттоманской империи с трудом может быть оправдана степенью участия Италии по сравнению с жертвами, понесенными Великобританией, Францией и Россией в борьбе с Турцией, в которой итальянские силы до настоящего времени никакого участия не принимали».

Соннино на это ответил, что, «возвращаясь лишний раз к заявлению самого широкого характера о настойчивом желании довести войну до конца в полном согласии с союзниками, используя для общего дела все силы страны на всех тех фронтах, где это окажется возможным, он, с другой стороны, никак не может допустить, чтобы передача Италии оккупированных или включенных в сферы влияния малоазиатских территорий была каким бы то ни было образом обусловлена использованием сил именно в Турции, или же чтобы—в случае, если в момент заключения мира какие-либо области, входящие в состав этих территорий, не могут быть переданы той или иной державе,—справедливый пересмотр создавшегося таким образом положения (путем сопоставления с ныне предоставляемой долей) был произведен в зависимости от степени усилий каждой из держав и тем более—от усилий, затраченных в пределах одной Оттоманской империи. Поэтому он должен решительно отвергнуть сообщенное сегодня окончательное предложение военного кабинета, заключающееся в том, что осуществление итальянских притязаний в Малой Азии должно быть во всяком случае обусловлено дальнейшим и более значительным участием Италии в борьбе против Турции. Он обратил внимание Родда на то, что подобных количественных и качественных условий не было и следа в соглашениях, заключенных в 1916 г. между Францией, Англией и Россией, и что Италия не намерена подчиниться дискриминационным условиям и неполному равенству с остальными державами.

Принятие предложений военного кабинета практически привело бы к тому, что Италия была бы вынуждена в кратчайший срок отозвать нынешний 40-тысячный контингент своих войск, не рассчитывая на получение какой-либо части Болгарии и Македонии, и перебросить их в Малую Азию. Все это расходилось с тезисом единого фронта».

Соннино готов был возобновить ранее выдвигавшееся предложение об

Соннино.—У Италии их оказалось достаточно для того, чтобы победить Австрию. Вся тяжесть борьбы с Австрией легла на наши плечи.

Вильсон.—Это не ответ.

Соннино.—Это не ответ? Впрочем, я не понимаю, какое право имеет Америка вмешиваться в то, что было установлено Лондонским договором? Это Америки не касается.

Вильсон.—Установление всеобщего мира не дело Америки? Я вынужден весьма почтительно заметить барону Соннино, что это не подходящий разговор среди союзников. Соединенные Штаты имеют право занимать здесь место и задавать вопросы, выходящие из рамок Лондонского договора. Договор этот не дает достаточных оснований для итальянского десанта. Были ли беспорядки в Макри, Будруме, Скаланове?

Соннино.—В Адалии происходили беспорядки, близкие к анархии.

Вильсон.—Десанты в Скаланове, Макри, Будруме, Мармарице были вызваны теми же причинами?

Соннино.—В Макри и Будруме происходили беспорядки. Мармарица была занята потому, что необходимо было держать корабли на адалийском побережье; Мармарица являлась единственным местом, где корабли могли стоять на якоре. Эти десанты не затрагивали окончательного решения по вопросу о территориях.

Вильсон.—Хотя намерения итальянцев при этом не затрагивали окончательного решения, они, однако, фактически наносили ему ущерб.

Соннино.—Вы сами, отправляя греков в Смирну, говорили, что это не влияет на окончательное решение. С другой стороны, мне было дано знать, что греки находятся в Айдыне. Это не соответствует тому, что нам было известно.

Клемансо.—Греки просили разрешения на высадку в названной

участии итальянских войск в количестве 5—6 тысяч человек в нынешней английской экспедиции против Палестины; количество это было по желанию английского правительства сведено до нескольких сотен бойцов, фигурировавших в качестве простого представительства флага. «Сегодня он не может взять на себя больше обязательств, так как военное командование не считает это возможным из боязни подвергнуть страну серьезной опасности».

3 мая Родд заявил в пояснение предыдущих своих сообщений, что в намерения британского военного кабинета не входило требовать от Италии использования своих сил специально в Турции... «Военный кабинет полагал тем не менее, что для дела союзников имело бы величайшее значение оказание итальянцами дальнейшей помощи в Салониках, не обязательно в настоящий момент, но, быть может, позднее».

Численность итальянских войск в Салониках (там мы располагали одной дивизией, которая в действительности превосходила по размерам армейский корпус) временами достигала 55 тысяч человек. Не следует также забывать, что размеры участия Италии, например в 1918 г., на французском фронте в смысле людского состава и понесенных ею потерь иногда превышали размеры междусоюзнической помощи, оказанной Италии.

местности, и именно в связи с этим Венизелос находился сегодня здесь.

Вильсон.—Мы полагали, что приглашение барона Соннино участвовать в обсуждении вопроса о расширении оккупационной зоны греков было по отношению к нему актом вежливости.

Соннино.—Я предпочитал бы, чтобы обсуждение это протекало без участия г. Венизелоса. Я не хочу обсуждать вопрос с ним. В начале мирной конференции итальянская делегация предприняла переговоры с г. Венизелосом. Он тотчас же опубликовал в газетах все, о чем тогда говорилось.

Ллойд Джордж.—Г-н Венизелос действовал теперь только с согласия Совета Четырех. (*С силой.*) Если Италия предпочитает зависеть от своих собственных действий, то это—вопрос, который она должна решить сама. В этом случае она не должна, однако, претендовать на участие в совещаниях Совета. Что касается меня, я должен заявить, что если Италия не уведет своих войск, она больше не примет участия в обсуждении итальянских требований в Малой Азии. Итальянская акция явилась прямым вызовом Совету. Она была выполнена в такой форме, которой я не хочу давать определения. В то время происходило совещание с участием Италии, и вопрос о Скаланове не был решен. Я не могу представить себе ничего более оскорбительного для Совета, чем эта итальянская акция.

Соннино.—В 1917 г. Смирна была присуждена Италии.

Ллойд Джордж.—Это было сделано под условием получения согласия России, которая, однако, не дала своего согласия и вышла из войны. Затем вступили в войну Соединенные Штаты, и вся ситуация изменилась. Об этом г. Бальфуrom было письменно заявлено итальянскому правительству.

Соннино.—Франция заявила нам, что она считает действительным соглашение 1917 г.

Клемансо.—Пишон не говорил мне об этом.

Соннино.—Признаю, что Соединенные Штаты не связаны Лондонским договором. Но статья IX названного договора обязывает Францию и Англию передать Италии области, расположенные вокруг Адалии. Наши десанты были произведены в этих областях.

Вильсон.—Я думаю, что Италия слишком широко интерпретирует эту фразу. Я уверен, что мои английские и французские коллеги поймут меня, если я скажу, что Соединенные Штаты не признают за ними права передавать греческое или турецкое население Италии. Это—международный порядок, которого мы все придерживаемся.

Ллойд Джордж.—Французское и английское правительства договорились о том, что те части Турецкой империи, на которые были предложены мандаты, должны быть обследованы комиссией. Я спрашиваю барона Соннино: применимо ли это же самое к Адалии и Скаланове?

Соннино.—Италия не имеет возражений.

Ллойд Джордж.—Это очень важное заявление.

Вильсон.—Не думает ли барон Соннино увести войска из Скалановы? Барон Соннино по крайней мере не ссылался на убийства в Скаланове, Макри или Будруме.

Соннино.—Беспорядки происходили в Макри, Будруме и очень серьезные, граничащие с анархией, в Адалии.

Ллойд Джордж.—По какому праву вмешались итальянцы?

Соннино.—Итальянцы находятся на Родосе.

Вильсон.—Но Родос не был уступлен Италии.

Соннино.—Итальянцы находятся на Родосе со времени их войны с Турцией³⁷. Сейчас мы с греками обсуждаем вопрос о Додеканезе, а острова эти пока заняты нами. Высадки были произведены без затруднений, при этом не было ни убитых, ни раненых, как у греков в Смирне. Почему Совет желает, чтобы Италия отозвала свои войска?

Итальянское правительство должно считаться с общественным мнением Италии, и если мы уйдем с Родоса, это вызовет большое волнение. Нет к тому оснований. Вряд ли кто захочет нанести этот ущерб Италии.

Вильсон.—Я хотел только получить разъяснение относительно оккупации. Согласен с тем, что барон Соннино заявлял относительно беспорядков в Адалии, но в других местах их не было.

Соннино.—Чтобы занять Адалию, требовались суда. Этим объясняется занятие Мармарицы.

Ллойд Джордж.—К высадке войск в Скаланове не было оснований.

Соннино.—Никто при этом не потерпел ущерба.

Ллойд Джордж.—Если это так, то каждый из нас может занять, что ему угодно, без согласия союзников?

Соннино.—Соединенные Штаты могут это сделать, но Великобритания и Франция связаны договорами.

Ллойд Джордж.—Скаланова ни в какие соглашения не была включена.

Соннино.—Я имею в виду соглашение 1917 г.

Ллойд Джордж.—В Сен-Жан-де-Мориен я подробно разъяснил г. Соннино, что доля Италии по соглашению зависит от степени ее участия в войне против Турции*.

Соннино.—Мы сражались всеми нашими силами. Италия вложила все, что могла, в войну, каждого человека и каждую копейку. Ни одной страной не было затрачено больше усилий, чем Италией. Мы встретились с самыми серьезными затруднениями на фронте. Никто не перенес столько страданий. Все наши войска направлялись в те места, где необходимость в них была наиболее велика.

* Ср. прим. на стр. 287—288.

Вильсон.—Я не делаю упреков барону Соннино.

Ллойд Джордж.—Равно как и я. Однако в Сен-Жан-де-Мориен я неоднократно говорил барону Соннино, что выполнение условий соглашения находится в зависимости от более интенсивного участия Италии в достижении победы над Турцией.

Вильсон.—Речь сейчас идет не о том, что они не сделали того, что было в их силах. Дело в том, что они не сделали этого в данном секторе войны. Другая сторона вопроса заключается в том, что не следует делать того, что может породить ошибочные представления. Нужно действовать в согласии. Узнать, что Италия высадила войска в Малой Азии, никого об этом не известив, было весьма прискорбно.

Ллойд Джордж.—И это тем более печально, что благодаря этому создалось фактическое положение в защиту претензии, по которой еще не вынесено окончательного решения. В Скаланове не было беспорядков. Мы сказали г. Венизелосу, что он не должен высаживать свои войска в Скаланове, потому что вопрос пока еще находится в стадии обсуждения. Итальянцы произвели высадку, не сказав ни слова людям, которые заседают с ними в одной комнате. Не знаю, что сказали бы про делового человека, который поступил бы таким образом.

Венизелоса приглашают войти.

Вильсон.—Совет желает обсудить предложение, сделанное г. Венизелосом г. Ллойд Джорджу относительно дальнейшей оккупации греками Смирнского вилайета.

(Венизелос начинает историческую диссертацию на тему о греческих правах в Малой Азии, о Лондонском договоре, о заявлениях Греции, о своем правительстве и т. д. Ллойд Джордж прерывает его, говоря, что речь идет не об обсуждении окончательного устройства этой территории, а о настоящих и ближайших действиях Греции в Айдынском вилайете.)

Вильсон.—Нужно разрешить два вопроса: 1) отправка греческих войск в Айдынский вилайет; 2) использование железной дороги Смирна—Айдын.

Венизелос.—Кроме первой греческой дивизии, посланной мной в Смирну, я отправил еще два полка и 500 жандармов. Я поступил так по той причине, что турки предприняли нечто вроде забастовки по случаю греческого десанта, и в Смирне не оказалось организованной силы для поддержания порядка в городе. У командующего в настоящее время имеется достаточно людей для отправки их даже внутрь страны. Он может в случае надобности послать их в различные санджаки. Когда я отправлялся на заседание Совета, в это время расшифровывали телеграмму, из которой видно, что турки подняли греческий флаг и просят послать греческие войска внутрь страны. Я не хочу этим сказать, что турки восхищены греческой оккупацией.

Вильсон.—...но, что они хотят порядка.

Ллойд Джордж.—Внутри страны происходят беспорядки?

Венизелос.—У меня нет об этом сведений. Беспорядки в Смирне вызваны отчасти забастовкой турецких офицеров, частью же тем, что были открыты тюрьмы. В настоящее время порядок внутри страны находится в руках турок. Я не отдавал приказаний об отправке войск в Айдын, но я не имею сведений о том, что они туда не отправились.

Клемансо.—Уверен ли г. Венизелос в том, что он не отдавал приказаний об отправке войск в Айдын?

Венизелос.—Я отдал общие распоряжения греческому командованию об отправке войск в том случае, если явится необходимость занять местности, где произойдут беспорядки. Поэтому я не в состоянии точно указать, куда именно греческие войска были направлены. Так как требуется 12 часов пути для прибытия в Айдын, я не считаю правдоподобным, чтобы войска были посланы туда без моего ведома. Я отдал распоряжение о том, чтобы войска не посылались в те места, где они рисковали встретиться с итальянскими войсками. Я хочу ясно заявить, что к югу наиболее отдаленным пунктом, куда я желаю отправить войска, является Айдын. Я не хочу посылать войск южнее или восточнее этого пункта.

Вильсон.—Не полагает ли г. Венизелос, что было бы лучше в интересах дела повременить с выполнением дальнейших планов оккупации? Совет может всегда обсудить положение, когда придут известия о новых беспорядках внутри страны. Дела в настоящее время обстоят таким образом, что всякое действие было бы лучше предпринимать с общего согласия.

Венизелос.—Я готов отдать приказ, чтобы греческие войска ни в коем случае не посылались внутрь страны. Однако во избежание возможности крупных беспорядков и убийств я хотел бы установления какой-либо процедуры, не связанной с промедлениями, вызываемыми отправкой телеграмм в Париж, обсуждением вопроса в Совете и посылкой телеграмм в Азию. Поэтому я предложил бы, чтобы наш командующий не имел права посылать войска без приказаний адмирала Калторпа. Если каждый шаг должен утверждаться в Париже, то можно не успеть предотвратить убийства. Мы не пошлем войск южнее, где была произведена высадка итальянских войск.

Вильсон (выразив согласие кивком головы).—Это мне кажется весьма разумным предложением.

Ллойд Джордж.—Предлагаю наделить адмирала Калторпа или старшего по чину офицера союзного флота в Смирне, которым может быть французский или английский адмирал, необходимыми полномочиями.

Вильсон.—Мне это представляется наилучшим планом. Железная дорога Смирна—Айдын может быть использована сообразно с обстоятельствами.

Венизелос.—Можем ли мы пользоваться французской железной дорогой?

Клемансо.—Да. Принимаю предложение г. Ллойд Джорджа.

Венизелос.—В Греции и на островах находится большое количество беженцев из Малой Азии. Было бы необходимо вернуть их своевременно на места, с тем чтобы они могли приступить к сельскохозяйственным работам. Речь идет о населении Смирнского санджака и Айвалыкской казы³⁸. Прошу о том, чтобы греческие войска посылались в эти округа без специальных разрешений для поддержания порядка и защиты возвращающихся беженцев. Разумеется, они не пройдут ниже Айясолука.

(Предложение принимается.)

Венизелос удаляется.

Хэнки представил адмиралу Калторпу проект телеграммы, которая утверждается в следующей редакции:

«Совет главных союзных и присоединившихся держав постановил, чтобы в случае беспорядков в Айдынском вилайете и в любой местности к северу от Айдына туда посылались греческие войска для восстановления порядка, но лишь с разрешения старшего офицера союзных флотов в Смирне, которому принадлежит последнее слово в решении вопроса о том, оправдывают ли обстоятельства посылку войск. Однако греческие войска могут быть отправлены без особого разрешения в округ, входящий в Смирнский санджак, но не южнее Айясолука, или в Айвалыкскую казу с целью установления там порядка и защиты возвращающихся беженцев. Греческим военным властям будут предоставляться все удобства для выполнения передвижений на всех железнодорожных линиях Смирнского узла. Г-н Венизелос посылает греческим властям инструкции в соответствии с настоящим постановлением».

Соннино.—Ввиду этого я прошу указать мне, можно ли считать установленным, что мои коллеги согласны сохранить положение без отъезда итальянских войск.

Вильсон.—По-моему это означает, что итальянское правительство берет на себя всю ответственность за то, что может случиться в случае оставления этих войск.

Ллойд Джордж.—Это в точности выражает мою точку зрения.

Клемансо.—И мою.

Ллойд Джордж.—Итальянское выступление оказалось весьма вредным для работы конференции, и вместе с тем оно не способствовало осуществлению итальянских стремлений в Малой Азии. Г-н Орlando, когда к нему была обращена просьба дать разъяснения, ответил, что ему ничего неизвестно, и было совершенно ясно, что он ничего не знал. Повидимому, глава правительства не был даже запрошен об этом.

(Затем речь заходит об ответственности за войну и о германских репарациях, о саарском вопросе, о германских военнопленных, о России, об австрийских, венгерских и болгарских

военнопленных (статьи, содержащиеся в договоре с Германией, должны быть повторены в договорах с Австрией, Венгрией, Болгарией); о статье 232 договора с Германией (репарации). В статье этой указывается, что германские репарации относятся к периоду состояния войны с Германией каждого союзника и присоединившегося государства. Это ограничение в результате неясных инструкций, отданных в последний момент перед вручением мирных условий немцам, фигурировало в английском, но не во французском тексте. Решено привести их также в последнем.)

После заседания рассказываю Креспи о том, как обсуждалась статья 232. Креспи говорит: «Это для нас будет означать потерю двух миллиардов».

Следует признать, что Венизелос проявил большую ловкость. Выказывая умеренность, он сумел под видом оказания помощи беженцам добиться расширения зоны греческих десантов, которые по смыслу другого его предложения могут производиться без предварительного согласия Совета.

Вторник, 20 мая.

8 час. 30 мин.—Орландо говорит мне, что он ночью думал о произнесенных вчера союзниками фразах, о которых я ему докладывал: «Это значит, что Италия берет на себя ответственность за то, что она делает». «Быть может союзники хотят заручиться материалом для того, чтобы объявить Лондонский договор потерявшим силу?»

Извещаю его о том, что говорилось при обсуждении статьи 232 относительно ограничения репарационных обязательств периодом «состояния войны». Орландо повидается с Креспи.

В автомобиле по дороге к Четырем речь заходит о новых делегатах, ввиду того что Саландра и Сальваго Раджи отказались вернуться, а Бардзилаи не уверен в том, что останется. Орландо думает о Луццати, Феррарисе, Кавасоле.

11 часов. Заседание Четырех.

Обсуждается проект ответа на письмо Брокдорф-Ранцау об экономических последствиях мирного договора; проект этот составлен экспертами четырех держав.

Вильсон.—Последний пункт проекта мне кажется слабым. Нехватает необходимого пафоса при указании на то, что все страны испытывают затруднения в связи с недостатком сырья, вызванными потерями тоннажа.

Ллойд Джордж.—Это—один из наиболее важных ответов, которые мы должны дать немцам. Редактирование ответа должно быть поручено человеку, обладающему литературными способностями.

Вильсон.—Генерал Смэтс?

Хэнки.—Сэр Роберт Сесиль?

Ллойд Джордж.—Можно было бы попытаться поручить Керру.

Вильсон.—Гувер?

Ллойд Джордж.—Гувер превосходно говорит, но когда пытается писать, можно притти в отчаяние.

Хэнки.—Керзон? Уинстон Черчилль?

Ллойд Джордж.—В Керзоне есть нечто от большого стиля. Решают поручить Керзону.

(Кроме того, обсуждаются ответ Брокдорф-Ранцау по вопросу о репарациях и ответственности; вопрос о договоре с Польшей; о Смирне (Ллойд Джордж зачитывает телеграмму, полученную из английских источников, касательно боев между турками и греками, имевших место в связи с высадкой войск: «Греки убивают встречающихся им турецких солдат; добивают раненых и бросают их в море»; решено уведомить Венизелоса). Вновь затрагивается вопрос о статье 232 договора с Германией: ограничение германских репараций периодом состояния войны с каждым из государств. Вопрос этот поставлен в письме французского юридического консультанта Фромажсо. Клемансо.—Никто не мог понять этого письма г. Фромажсо! Орландо.—Не согласен; я оставляю за собой право дать свое согласие. Ллойд Джордж.—Но Италия в течение целого года не была в войне с Германией! Нужно обладать чувством справедливости. Я поддерживаю вчерашнее решение. Орландо.—Я поддерживаю свое.)

Кроме того, обсуждался продовольственный вопрос в России: предложение Ленина—Нансена²⁹ относительно совещания с большевиками.

Вильсон.—Отчего бы не просить Бальфура подготовить ответ?

Ллойд Джордж.—Мне хотелось бы немного больше демократизма. Он и Соннино относятся к одной и той же категории.

Клемансо.—Что такое демократизм? Роберт Сесиль—демократ.

Ллойд Джордж.—Иногда эти старинные английские семьи приносят демократические плоды.

Керр, принадлежащий к одному из самых старинных шотландских родов, в такой степени пропитан демократическими идеями, что его подозревают в большевизме!

Если Колчак придет в Москву, война будет окончена. Он назначит всеобщие выборы. Колчак—не реакционер.

Вильсон.—Он не представляет собой ничего значительного. Это—вроде наших военных...

Ллойд Джордж.—Возьмите Фоша: это—ребенок, когда принимается говорить о политике.

Клемансо (улыбаясь).—Позовемте Керра.

(Кроме того, рассматривается письмо Брокдорф-Ранцау о военнопленных, письмо сербской делегации, требующей ассигнования 80 миллионов фунтов стерлингов из первого миллиарда, который должен быть уплачен Германией.)

Выходя, Орландо беседует с Ллойд Джорджем. Ллойд Джордж говорит ему: «Да, я говорил с Вильсоном. Он все еще сильно вос-

стает против оставления вам Фиуме. Надо, чтобы на это согласились южные славяне. Я тоже поговорю об этом с Вильсоном, но следовало бы оказать давление на Клемансо. Нужно бы также отказаться от чего-либо в Малой Азии».

Орландо уведомляет Ллойд Джорджа, что сегодня вечером он должен выехать для совещания со своими коллегами, входящими в состав итальянского кабинета.

Вернувшись в гостиницу, Орландо пишет Вильсону и Клемансо, что он должен отлучиться на 24 часа для участия в заседании совета министров, которое состоится на фронте. «Речь идет об обсуждении вопроса внутриполитического характера». Предупреждает, что его, вероятно, заменит Соннино.

Вместе с Орландо выезжает также Креспи.

Хэнки телефонирует мне, что дневное заседание Четырех не состоится «за неимением готового материала». Он уведомит меня, когда Четверо вновь соберутся.

Среда, 21 мая.

Нет никакого уведомления от Хэнки о заседании Четырех.

Кажется, состоялось заседание Трех, собравшихся для того, чтобы выслушать Трумбича*.

16 часов. Заседание Четырех. Соннино заменяет Орландо. Немцы просят отсрочить подписание договора.

Предоставляется отсрочка до 29 мая. Имеется еще много сомнений относительно того, подпишут ли немцы.

На совещании выступают члены польско-украинской комиссии (от Италии—Брамбилла).

Обсуждается польско-украинское перемирие.

Выходя, Соннино говорит мне: «Кто знает, быть может, кабинет уже подал в отставку?»

Вчера Орландо сказал мне: «Личные отношения между нами до того затруднены, что, по-моему, было бы лучше, если бы нас пришли заменить другие».

Итальянские газеты помещают статьи под заглавием: «Правительство должно остаться».

Начальник кабинета Орландо сообщает мне, что премьер-министр подтвердил по телефону, что вернется завтра.

Четверг, 22 мая.

Сообщение из Улька. Заседание совета министров длилось 6 часов. Совет подтвердил свое согласие с премьером. Правитель-

* Рей-Стеннард Бэкер (op. cit., v. II, p. 200) пишет, что Ллойд Джордж 21 мая «прибег к уловкам и обходным маневрам, попытался выдвинуть новые предложения и в конце концов не только не сумел удовлетворить Италию, но даже вступил в отчаянный спор с Клемансо, доказывавшим, что Ллойд Джордж обошел права французоз в Турции, с тем чтобы удовлетворить

ство остается. Саландра и Сальваго Раджи заменены другими лицами.

Орландо прибывает в 10 час. 25 мин.

Фразье телефонирует мне, что Хауз желал бы поговорить с Орландо. Отвечаю ему: «Хорошо. Согласен ли полковник Хауз быть в гостинице «Эдуард VII» к 14 час. 15 мин.?» Фразье отвечает: «Хорошо, я вас извещу по телефону».

Хэнки уведомил, что заседание Четырех состоится не в 11 часов, а в 11 час. 30 мин.

11 час. 30 мин.—Орландо отправляется со мной к президенту Вильсону.

Нам говорят, что Вильсон и Клемансо находятся у Ллойд Джорджа.

В 11 час. 45 мин. прибывают Вильсон и Клемансо.

Вильсон.—Иногда незначительные вопросы отнимают больше времени, чем важные.

Входят также Лушер, Тардые, Кроу, Хедлэм-Морли (саарский комитет).

Клемансо.—Чем занят Ллойд Джордж, что не приходит?

Тардые (имея, быть может, в виду вопрос, обсуждавшийся утром Тремя: Сирию и т. д.).—Переваривает*.

Вильсон любезен с Орландо. Орландо кажется подозрительной эта любезность.

Входит Ллойд Джордж; обращаясь к Орландо: «Как вы нашли своих коллег?»

Орландо.—Они единодушны, солидарны. Страна раздражена.

Ллойд Джордж.—Почему?

Орландо.—Считает, что дела наши не разрешены, брошены здесь.

Ллойд Джордж.—Какое из них является самым важным?

Орландо.—Фиуме.

Ллойд Джордж сжимает губы.

(Речь заходит о Сааре; затем—ответ Брокдорф-Ранцау относительно экономического положения Германии; военнопленные; Лига наций; пункт о защите национальных меньшинств, подлежащий включению в договоры с Австрией, Венгрией, Болгарией.—Утверждается Четырьмя.)

итальянцев и выйти из запутанного положения, в котором он (Ллойд Джордж) оказался». См. также у Генри Вильсона («Life and Diaries», v. III, p. 194), который пишет, что 21 же мая произошла «первоклассная собачья драка» между Ллойд Джорджем и Клемансо по поводу Сирии и месопотамской нефти.

* Ср. Генри Вильсон (op. cit., v. II, p. 194), где он пишет о заседании, состоявшемся 22 мая у Ллойд Джорджа: «...Ллойд Джордж в заключение заявил, что он признает границу, указанную генералом Вильсоном... Клемансо в своем ответе наотрез отказался признать эту линию».

Фразье сообщает по телефону Галлаврези*, что беседа Хауз—Орландо уже не представляется срочной. (Хауз не имел обыкновения приходить в гостиницу, так как Орландо всегда сам отправлялся к нему. Не потому ли отложил он беседу, что, отвечая утвердительно на вопрос о желании Хауза видеть Орландо, я сказал Фразье, что Хауз может притти в гостиницу?) Делая свое сообщение Галлаврези, Фразье добавил: «Вильсон высказал свое мнение по адриатическим вопросам и остается при нем. Италия и союзники могут, если хотят, соблюсти, со своей стороны, условия Лондонского договора».

В 16 часов у Вильсона заседание Четырех с участием саарской комиссии.

Утверждается ответ союзников германской делегации по этому вопросу.

В 16 час. 15 мин. саарский комитет удаляется; входят эксперты по репарационным вопросам (от Америки—Барух, Мак-кормик, Ламонт, Норман Девис, Дэллс, Робинсон; от Англии—лорд Сэмнер, лорд Кенлиф, Сэттон; от Франции—Клоц, Лушер, Жюассе; от Италии—Креспи, д'Амелио).

Во время перерыва Ллойд Джордж говорит Орландо: «Если получите Фиуме, не будете поднимать вопроса о редакции?»⁴⁰ Орландо отвечает: «Нет».

Вильсон.—В проекте статей по репарациям, подлежащим включению в текст договора с Австрией, было предложено, чтобы на новые государства, возникшие из бывшей Австро-Венгерской империи, была возложена часть репарационных долгов. Я полагаю, что это явилось бы чрезмерным бременем для названных государств. Мне сообщили, что, если эти страны примут на себя долю довоенного долга в соответствии с размерами их территорий и обязательства по репарациям, доля эта на душу населения значительно превысила бы квоту Франции и Англии.

Ллойд Джордж.—Я не могу согласиться с этими предположениями. К тому же размеры обязательств, касающихся этих стран, еще не были установлены; это должна была решить репарационная комиссия.

Вильсон.—Я считал решенным, что государства эти должны полностью выплатить причитающуюся с них долю репараций. Это, по моему мнению, явилось бы чрезмерным бременем, и у меня есть сведения, что, если бы это условие было им поставлено, некоторые из этих государств отказались бы подписать договор. Это представляется опасным, потому что, если эти государства будут поставлены в положение солидарных с Германией должников, они могли бы обратиться к Германии за содействием в деле их экономического развития. Добавлю, что не столько размеры

* Проф. Джузеппе Галлаврези входил в состав секретариата итальянской делегации.

квоты, сколько принцип, в силу которого квота эта была установлена, окажет вредное влияние на кредитоспособность этих стран.

Ламонт.—Несомненно, предложение, чтобы эти государства платили, в принципе справедливо, но требование репарационной комиссии, повидимому, имеет слабую связь с целями комитета, учрежденного для оказания помощи этим государствам в деле восстановления их кредита. Кроме того, я сомневаюсь, чтобы они были в состоянии выплачивать более или менее значительные суммы.

Ллойд Джордж.—Большая часть граждан этих стран сражалась против союзников до конца войны; они никогда не добились бы свободы иначе, чем путем войны. Если бы они сохранили нейтралитет, продолжительность войны сократилась бы на два года. Почему же они должны получить свободу, ничего за это не уплачивая? Это было бы очень несправедливо, раз в Великобритании на семью приходится по 800 фунтов стерлингов военных расходов. Эти государства должны взять на себя ту же долю бремени, которая ложится на тех, которые помогли им добиться свободы. Почему крестьянин Калабрии, например, должен, кроме своего военного бремени, нести также бремя хорватского или чехо-словацкого крестьянина? Кроме того, союзники выдали крупные суммы вперед Сербии. Разве югославское государство не должно поэтому нести никаких тягот? Замечу, что некоторые из этих государств, как, например, Чехия и Трансильвания, имеют большие доходы.

Вильсон.—По смыслу финансовых статей договора государства эти должны поделить между собой долги, до- и послевоенные, бывшей Австро-Венгерской империи. Я согласен с г. Ллойд Джорджем относительно изложенного им принципа, но не понимаю, каким образом названные страны могли бы принять участие в общем упорядочении европейского кредита, если на них будет возложено слишком много тягот и если им в течение двух лет не были известны размеры их долга.

Орландо.—Повидимому, хотят выдвинуть предложение об отмене решения Верховного совета о том, что бывшая Австро-Венгерская империя должна отвечать за всю сумму долга. Что касается Италии, она не берет на себя ответственности за присоединенные территории. Г-н Ллойд Джордж недавно говорил о триестинском тоннаже, как о неприятельском тоннаже, но вряд ли его можно считать таковым, если новые государства не будут признаны ответственными. Можно с вероятностью допустить, что они не смогут уплачивать значительных сумм, но здесь важен принцип. Я не могу вернуться в Италию и заявить, что четыре пятых Австро-Венгерской империи отстранены от всякой финансовой ответственности.

Ллойд Джордж (вполголоса).—Отличный аргумент.

Вильсон.—Никто не утверждал, что эти государства не должны ничего платить. Мне хотелось бы, однако, чтобы им теперь же было известно, сколько им придется платить.